

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Л.А. АНДРЕЕВА

**Свержение монархии в 1917 году:
крушение Трона и Алтаря**

В предшествующих статьях [Андреева, 2006; 2008] я начала рассмотрение и анализ масштабного процесса нарастания религиозного индифферентизма и секуляризации в различных общественных группах и областях жизни России, берущего начало со времени реформ Петра I и ярко проявившегося в XIX–начале XX в., в годы революции 1905–1907 гг. и межреволюционный период. Особое место в истории массовых духовных трансформаций занимают переломные события 1917 г., связанные с крушением монархии и резкими изменениями места религиозного сознания, различных конфессий и особенно православной церкви в российском обществе. На этих событиях необходимо остановиться более подробно.

Монархия и церковь накануне февраля 1917 года

К февралю 1917 г. Российская империя формально оставалась православной монархией. Однако уже в 1916 г. Святейший правительствующий синод констатировал, что началось *массовое отпадение* от веры. О религиозном индифферентизме населения как явлении повседневной жизни начала XX в. постоянно сообщали епархиальные архиереи начиная с 1905 г. Тогда он стал одной из важнейших движущих сил революционных событий. При этом взаимоотношения между монархией и синодальной церковью к 1917 г. были далеки от того положения, которое рисуют сторонники идеализации дореволюционного прошлого России. Ситуацию, сложившуюся к февралю 1917 г. в отношениях между церковью и монархией, фактическая правительница России императрица Александра Федоровна характеризовала так: "Церковь и государство, точно враги, стоят друг против друга; линии церковной и государственной жизни разошлись в разные стороны" (цит. по [Жевахов, 2007, т. 1, с. 91]). Одной из главных причин столь негативной оценки стали как попытки церковных иерархов освободиться от опеки трона, выразившиеся в стремлении к возрождению патриаршества, так и то, что монархия чувствовала: влияние церкви на население уменьшается.

Заместитель обер-прокурора Синода Н. Жевахов следующим образом описывал ситуацию, сложившуюся накануне 1917 г.: "Сейчас нет никакой связи между пастырем и прихожанами, между Церковью и этими последними... не паства идет за своим пастырем, а, наоборот, пастыри плетутся за паствой" [Жевахов, 2007, т. 1, с. 93]. Не лучше были и взаимоотношения между правящим классом – дворянством – и церковью. Генерал от инфантерии Н. Епанчин в мемуарах, написанных в эмиграции, констатирует:

А н д р е в а Лариса Анатольевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований РАН.

вал, что отношение дворянства к духовенству было немногим лучше отношения к "подлому народу": «Оно нас крестило, венчало и напутствовало на тот свет, а на него смотрели как на нечто низшее... Правда, в значительном числе оно было малообразованно, даже в церковном, богословском отношении, оно не имело не то что светских, а почти никаких манер; оно было скудно обеспечено в материальном отношении, это, конечно, была не наша вина, но и мы могли в известной степени помочь духовенству, памятуя, что это наши пастыри, духовные отцы наши. Мы должны были строго отличать личность и поведение священника как человека от его положения как просителя благодати Господней... Не одни мы, помещики, в том виноваты; были и владыки, которые унижали духовенство, а не старались поднять его. Чего же было ожидать от простого народа, который видел такой пример. Что касается до образования общего и богословского, то много раз приходилось слышать мнение, что священникам вовсе не нужно такое обширное образование, что апостолы были простые рыбаки и пр. Влияние на паству такого недостаточно подготовленного духовенства, конечно, не могло быть глубоким, и не этим ли объясняются такие поговорки, как "У попов завидующие глаза", и другие; не этим ли объясняется та легкость, с которой отошли крестьяне от церкви во время смуты 1917 г. ...» [Епанчин, 1996, с. 126–127].

Наиболее дискредитирующим трон и алтарь явлением была "распутинщина", захватившая в предреволюционные годы многих высших иерархов. В конце царствования Николая II Священным правительствующим синодом фактически руководили Г. Распутин и императрица Александра Федоровна. Императрица в письмах к мужу постоянно касалась вопросов церковного управления. Например, 9 сентября 1915 г. она писала: "Я сегодня придумала помощника для нового обер-прокурора – кн. Жевахова" [Переписка... 1923, т. 3, с. 326]. 14 марта 1916 г. императрица передает указания Распутина относительно синодальных дел: "Он просил передать тебе еще одну вещь, которую Ему сказал митрополит (митрополит Петроградский Питирим, протеже Распутина. – Л.А.), что Синод намерен подать тебе ходатайство об учреждении в России семи митрополий. Владимир (митрополит Киевский. – Л.А.) очень стоит за это, но Наш Друг просит тебя на это не соглашаться, так как теперь, конечно, не время для этого, и мы едва можем найти 3-х приличных особ, могущих занимать такое положение" [Переписка... 1923, т. 4, с. 145].

Сам Распутин не отличался почтительным отношением к высшим иерархам, заседавшим в Синоде. В 1915 г. он, отпоясывая на публике, делал такие заявления: "Эх, барыня, сударыня... ее мать твою консисторию, а Питирима¹, сукина сына, проведем в митрополиты, ой, барыня, ой, сударыня, что мне Синод, что мне Самарин², я знаю сам, что скажу... Мне что собор, плевать мне на церковь, мне что патриарх, на х... его, что Питирим, мне шток было, как сказал!". Обращает на себя внимание резко негативное отношение Распутина к восстановлению патриаршества и к предоставлению церкви большей независимости: "Ежели Церковь хозяйничать почнет, то, окромя блядей да воров, никому и доступа не будет" [Коцюбинский, Коцюбинский, 2003, с. 34, 380]. М. Распутина вспоминала, что "отец особенно пристрастно относился к лицам именно духовного звания" [Распутина, 2000, с. 323]. Вероятно, такое неуважительное отношение к иерархам было не столько проявлением личного отношения, сколько трансляцией восприятия духовенства в крестьянской среде, к которой по рождению и воспитанию принадлежал Распутин. С этой точки зрения становится более понятным отход крестьянской России от православной церкви в 1917 г.

Сам же феномен Распутина не представляется случайностью: «...внутренне цельный и абсолютно чуждый по духу социальный тип – "мужик" по имени Григорий Рас-

¹ Питирим (Павел Окнов) (1858–1920) – благодаря протекции Распутина стал с 1915 г. митрополитом Петроградским и Ладожским.

² Самарин А.Д. (1868–1931) – московский губернский предводитель дворянства, в 1915 г. исполнявший обязанности обер-прокурора Синода, активный противник Распутина.

путин – стал для просвещенных классов своего рода магическим "знаком беды". Беды, которую Россия накликала на себя всем предыдущим тысячелетием своей беспросветной истории... В жизни и смерти Распутина фатальным образом соединились и сплывались в гремучую смесь утонченно-декадентский, "гиблый" аристократизм петербургского периода русской истории – и ее извечное витально-деревенское клочкотание, последние зарницы эпохи бродячих "святых старцев" – и первые всполохи сексуальной революции» [Коцюбинский, Коцюбинский, 2003, с. 338].

16 февраля 1916 г. французский посол в Петербурге М. Палеолог занес в дневник: «Распутинская клика в Синоде ликует ввиду растущего расположения императрицы к Штюмеру и доверия, оказываемого ему Николаем. Митрополит Питирим и архиереи Варнава и Исидор уже чувствуют себя главами церковной иерархии; они говорят о предстоящей радикальной чистке высшего духовенства; это означает изгнание всех игуменов и архимандритов, которые еще не преклонились перед покровским эротоманом-мистиком и считают его антихристом. Несколько дней, как по рукам ходят списки расстригаемых и увольняемых, и даже списки намеченных к ссылке в те дальние сибирские монастыри, откуда нет возврата... Отставной министр А. Кривошеин говорил мне вчера с отчаянием и отвращением: "Никогда не падал Синод так низко... Если кто-нибудь хотел бы уничтожить в народе всякое уважение к религии, всякую веру, он лучше не мог бы сделать... Что вскоре останется от Православной Церкви? Когда царизм, почуяв опасность, захочет на нее опереться, вместо Церкви окажется пустое место (курсив мой. – Л.А.)... Право, я сам порой начинаю верить, что Распутин – антихрист"» [Палеолог, 1991, с. 26–27]. Последний протопресвитер армии и флота о. Г. Шавельский свидетельствовал, что митрополит Петербургский Питирим "держался Распутина; печального же будущего и для России, и для себя от этой истории он не прозревал" (цит. по [Егоров, 1998, с. 57]).

Поддав под влияние Распутина, не предчувствовала печального конца ни для себя, ни для России и царская чета. 12 декабря 1915 г. императрица писала мужу о Распутине: "Надо всегда исполнять *Его приказания* (курсив мой. – Л.А.) – они имеют глубокий смысл" [Переписка... 1923, т. 3, с. 488]. Можно констатировать, что Николай и Александра искали религиозности, альтернативной официальной, церковной и нашли ее в лице "старца" Григория. Ответом Александры Федоровны на обличение церковными иерархиями Распутина стало мнение: "Официальная церковь всегда распинала своих пророков" [Жевахов, 2007, т. 1, с. 21]. По свидетельству помощника обер-прокурора Синода Жевахова «Александра Федоровна и Николай II воспринимали Распутина как старца будучи убеждены, что, защищая "старца", они защищают в его лице все достоинство Русской церкви, с ее святынями, со всем многообразием ее мистического содержания, с ее старцами, юродивыми, Божьими людьми... » [Жевахов, 2007, т. 1, с. 327].

Долой царя – долой и церковь?

Однако для простого народа монархия была нерасторжимо связана с господствующей религией – православием. Многовековой союз трона и алтаря привел к тому, что в массовом сознании православие переродилось в "цареславие", что отмечалось даже в выступлениях на Поместном соборе Российской православной церкви в 1918 г. [Деяния... 1917–1918, с. 351]. Духовный публицист Е. Трубецкой оценивал свержение монархии так: "Отчего рухнуло царское самодержавие в России? Оттого что оно стало идолом для русского самодержца. Он поставил свою власть выше церкви, в этом было и самопревознесение и тяжкое оскорбление святыни... Повреждение первоисточника духовной жизни – вот основная причина этого падения" [Трубецкой, 1917, с. 3–4].

В силу логики исторического развития вместо желаемого освобождения от государственной опеки и возрождения православной церкви на соборных началах, крах монархии повлек и утрату приверженности православным обрядам как государственной религии, поскольку прежний социальный строй оказался нерасторжимо связан в народном сознании с православием. З. Гиппиус записывала свои впечатления от слу-

чившегося: «Одни искренне думают, что "свергли царя" – значит, "свергли и церковь" – "отменено учреждение!". Привыкли сплошь соединять вместе, неразрывно. И логично... У более безграмотных это более выпукло: "Сама видела, написано, долой монархию. Всех, значит, монахов по шапке"» [Гиппиус, 1991, с. 302].

В апреле 1917 г. на Марсовом поле в Петрограде состоялись похороны "мучеников свободы", павших в революционные дни. Провожавших было около 900 тыс. человек. «Великий национальный акт свершился без участия Церкви. Ни одного священника, ни одной иконы, ни одной молитвы, ни одного креста! Одна только песня: рабочая "Марсельеза"... Всего несколько дней тому назад эти тысячи крестьян, солдат, рабочих, которых я вижу проходящими теперь передо мной, не могли пройти мимо малейшей иконы на улице без того, чтобы не остановиться, не снять фуражки и не осенить груди широким крестным знаменем. А какой контраст сегодня?» – писал пораженный происходящим посол Франции М. Палеолог [Палеолог, 1991, с. 292].

Празднование Пасхи в 1917 г. было крайне политизировано. Митрополит Евлогий писал в своих воспоминаниях: «Пасхальную заутреню я служил в соборе, битком набитом солдатчиной. Атмосфера в храме была революционная, жуткая... На приветствие "Христос воскрес!" среди гула "Воистину воскрес!", какой-то голос выкрикнул "Россия воскрес!"». [Митрополит... 1947, с. 285].

О ситуации, сложившейся в армии, бывшей по своему составу крестьянской, в "Очерках русской смуты" генерал А.Деникин писал: "Голос пастырей с первых же дней революции замолк, и всякое участие их в жизни войск прекратилось. Мне невольно приходит на память один эпизод, весьма характерный для тогдашнего настроения военной среды. Один из полков 4-й стрелковой дивизии искусно, любовно, с большим старанием построил возле позиций походную церковь. Первые недели революции... Демагог-поручик решил, что его рота размещена скверно, а храм – это предрассудок. Поставил самовольно в нем роту, а в алтаре вырыл ровик для... Я не удивляюсь, что в полку нашелся негодяй-офицер, что начальство было терроризировано и молчало. Но, почему 2–3 тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни?" [Деникин, 1990, с. 79–80]. Священник 113-ой бригады ополчения уведомлял Синод весной 1917 г.: "В марте вход священнику с беседами в роты стал невозможен, оставалось только молиться в храме. Богомольцев вместо 200–400 человек стало 3–10 человек. Не редкость при случайной встрече были насмешки и хулы по адресу священника и офицера" [Емелях, 1972, с. 66]. В этом донесении отчетливо видно, что отпадение от культа произошло именно в его обрядовой стороне, при этом священнослужитель в солдатском сознании являлся представителем враждебного социального класса, подобно офицерам. В появившейся тогда "Декларации прав солдата" посещение богослужения в храме и казарме было признано необязательным. Таким образом, можно констатировать, что в марте 1917 г. активно и сознательно верующими среди солдатской массы (крестьянской по своему составу) оказались 1,5–2%. И это в то время, когда о большевистском влиянии в армии не приходится говорить.

С. Булгаков резюмировал: "Как ни мало было оснований верить грезам о народебогоносце, все же можно было ожидать, что церковь за тысячелетнее свое существование сумеет себя связать с народной душой и стать для него нужной и дорогой. А ведь оказалось, что церковь была устранена без борьбы, словно она не дорога и не нужна была народу, и это произошло в деревне даже легче, чем в городе... Русский народ вдруг оказался нехристианским" [Булгаков, 1993, т. 2, с. 609].

Высшее духовенство и падение монархии

Какова же была реакция православной церкви на свержение монархии? В самом начале революции – 26 февраля 1917 г. товарищ синодального обер-прокурора Жевахов предложил первоприсутствующему члену Синода – митрополиту Киевскому Владимиру – опубликовать воззвание в защиту монархии, которое хотели зачитать с цер-

ковных амвонов и расклеить по городу. Митрополит Владимир отказался это сделать, несмотря на настойчивые просьбы [Жевахов, 2007, т. 1, с. 288]. Когда на следующий день на сторону восставших стали переходить войска петроградского гарнизона, уже сам обер-прокурор Синода Н. Раев предложил осудить их поведение. Он обратил внимание членов высшей церковной иерархии на то, что руководители движения "состоят из изменников, начиная с членов Государственной думы и кончая рабочими". Синод отклонил и это предложение, ответив обер-прокурору, что *еще не известно, откуда идет измена – сверху или снизу* [Бабкин, 2007, с. 27].

4 марта 1917 г. состоялось первое после свержения монархии официально-торжественное заседание Синода. На нем председательствовал митрополит Владимир и присутствовал новый, назначенный Временным правительством обер-прокурор В. Львов. Члены Синода выразили искреннюю радость по поводу наступления новой эры в жизни церкви. Митрополит Владимир и обер-прокурор Львов вынесли из зала заседания царское кресло, которое было решено передать в музей [Бабкин, 2007, с. 28].

Подверглись опале и церковные ставленники Распутина. 29 марта 1917 г. М. Палеолог занес в дневник: "С момента крушения царизма все митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, архиереи, иеромонахи, из которых состояла церковная клиентура Распутина, переживают тяжелые дни. Везде им пришлось увидеть, как против них восставали не только революционная клика, и еще и их пасомые, часто даже их подчиненные. Большинство из них более или менее добровольно сложили с себя свои обязанности; многие в бегах или в заключении. После непродолжительного ареста Петроградскому митрополиту Питириму удалось добиться разрешения отправиться для покаяния в один сибирский монастырь. Та же участь постигла Московского митрополита Макария, Харьковского архиепископа Антония, архиепископа Тобольского Варнаву, епископа Черниговского Василия и проч." [Палеолог, 1991, с. 284].

Верующие по сугубо церковным вопросам стали обращаться в Советы и комитеты. Монахи Александро-Невской лавры писали в Петроградский Совет: "...веря вашему комитету как справедливому органу правды, мы обращаемся к вам с просьбой об удалении из монастыря Александро-Невской лавры изверга-тирана наместника лавры архимандрита Филарета". Миряне жаловались в Советы на священников и требовали их смещения [Колоницкий, 2006].

9 марта 1917 г. Синод выступил с обращением "К верным чадам Православной Российской Церкви". Отношение к свержению монархии было однозначным: "Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути" [Российское... 2006, с. 32]. Негативное отношение к монархии еще более отчетливо проявилось в таком одобренном Синодом 29 марта 1917 г. документе, как «Поучение с церковного амвона о "Займе Свободы"»: "Старое правительство довело Россию до края гибели. Случилось что-то невероятное. Великая Россия, питавшая своим хлебом всю Европу, теперь, в дни войны, когда, казалось, всякий вывоз хлеба за границу был прекращен, когда хлеба должно было хватить на всех с огромным избытком, на самом деле, ощущает страшный недостаток в этом хлебе, а в иных местах терпит чуть ли не настоящий голод. Нет не только хлеба, но не хватает и прочих необходимых предметов продовольствия: масла, мяса и т. д. А раньше все это и за границу вывозили, и сыты были, и запас оставался. Расстроилось народное хозяйство. Но не только хозяйство народа пришло в упадок, а многое вызывает наше удивление и негодование. В самом деле, количества народа у нас чуть не в три раза больше, чем у немцев. При этом, мы русские люди, горячо любим нашу Родину, и наши воины на фронте дерутся с немцами, как львы. А, между прочим, враг далеко проник в глубь России и захватил множество нашей земли, разорив села, города, пустив по миру десятки тысяч наших братьев. Что это? Как это можно объяснить? Вы сами знаете ответ: в нужную минуту не хватало снарядов, бывало, что у немцев пушка и пулемет, а у русского воина дубина, да и то не у каждого. И произошло это потому, что при старой власти не готовилось снарядов, выдавались планы немцам, предавались русские люди. Нельзя перечислить всех тех

действий, которые претерпела Россия из-за этих негодных людей. *И вот народ восстал за правду, за Россию, свергнул старую власть, которую Бог через народ наказал за все ее тяжкие и великие грехи* (курсив мой. – Л.А.)" [Российское... 2006, с. 39–40]. Это поучение Синод предписывал зачитывать в храмах и вывешивать на дверях храмов. Таким образом, Святейший правительствующий синод как высший коллегиальный орган управления православной церковью, поддержал свержение власти помазанника Божия, которого Бог наказал "за тяжкие великие грехи".

Определением Синода № 1226 от 7–8 марта 1917 г. было отменено обязательное поминовение дома Романовых и предписывалось возносить моление "о Богохранимой Государе Российской и Благоверном Временном Правительстве ея" [Российское... 2006, с. 29]. Вследствие отмены поминовения автоматически исчезала и молитва о самой царской Богом данной власти, освященной Церковью в особом таинстве миропомазания. Канонически и литургически Синод сделал выбор *в поддержку народовластия*. Архиереи дали понять верующим, что нет существенных отличий между царской властью и властью Временного правительства [Бабкин, 2007, с. 30].

Подавляющее большинство епархиальных архиереев также высказались в поддержку Временного правительства. Телеграммы с приветствиями председателю Государственной думы, председателю Временного правительства и обер-прокурору Синода лично отправили по меньшей мере 20 архипастырей [Бабкин, 2005, с. 115]. Епископ Енисейский и Красноярский Никон в середине Великого поста телеграфировал: "Христос воскрес! Искренне рад перемене правительства, ответственному министерству. Долго терпели..." Архиепископ Кавказский и Ставропольский, викарный епископ Александровский и собрание духовенства города Ставрополя в своей телеграмме "восторженно приветствовали вступление родины и православной церкви на новый путь жизни". Епископ Каменец-Подольский и Брацлавский, а также духовенство Каменецкого благочинного округа было не менее восторженно: "...духовенство приветствует Вас (М. Родзянко. – Л.А.), первого работника новой свободной России, и благодарят Государственную Думу за поднятый подвиг обновления России". Викарий Костромской епархии, епископ Кинешемский телеграфировал: "Члены Временного правительства восприняли на себя добровольный великий подвиг освобождения нашего Отечества от рабства династии Романовых" [Российское... 2006, с. 221, 230, 231, 236].

Не все архиереи изъяснялись столь высоким стилем, но поддержку высказало абсолютное большинство. Открыто контрреволюционные взгляды выражали не более 5–7% епископата [Бабкин, 2005, с. 116]. Так, епископ Тобольский и Сибирский Гермоген в качестве резолюции на постановлениях своего епархиального съезда писал: «Я ни благославляю случившегося переворота, ни праздную мнимой еще "пасхи" (вернее же мучительной Голгофы) нашей многострадальной России и исстрадавшегося душою духовенства и народа, ни лобызаю туманное и "бурное" лицо революции, ни в дружбу и единение с нею не вступаю, ибо ясно еще не знаю, кто и что она есть сегодня и что она даст нашей Родине, особенно же Церкви Божией, завтра» (цит. по [Бабкин, 2005, с. 116]).

В своих проповедях подавляющая часть архиереев воздавали "благодарение Богу" за совершившийся переворот, как, например, архиепископ Симбирский и Сызранский. «В его речи, произнесенной в кафедральном соборе, император Николай II был назван "негодным кормчим"». Жесткая критика самодержавия и упование на новый государственный строй содержались и в обращениях к пастве епархиальных и викарных преосвященных: Донского и Новочеркасского Митрофана (Симашкевича), Омского и Павлодарского Сильвестра (Ольшевского), Двинского Пантелеймона (Рожновского), Красноярского и Енисейского Никона, Вольского Досифея, Рыбинского Корнилия и др. Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) писал: "Режим правительства был в последнее время беспринципный, грешный, безнравственный. Самодержавие русских царей выродилось сначала в самовластие, а потом в явное своевластие, превосходившее все вероятия" (цит. по [Бабкин, 2005, с. 112]).

Позиция епископата сводилась к церковной санкции произошедшего переворота и разъяснению, что царская власть не имеет прямого отношения к церковной. Весной и

летом 1917 г. ни в одном церковном документе бывший царь или кто-либо из предшествующих императоров не именовались помазанниками Божиими [Бабкин, 2005, с. 113].

Поддержку Синодом и подавляющим большинством правящих архиереев свержения династии Романовых можно объяснить в контексте многовекового спора "священства" и "царства". В целом можно солидаризироваться с мнением исследователя проблемы свержения монархии в России в 1917 г. и политической позиции православной церкви М. Бабкина о том, что «...духовенство знало, что светская власть – народо-властие – не обладает трансцендентной, харизматической природой, в отличие от власти царя и священства. Одобрив свержение монархии и приводя народ к присяге Временному правительству, духовенство придавало законный характер упразднению харизматической государственной власти с той целью, чтобы обеспечить существование в стране, по сути, любой формы правления, лишь бы та не обладала божественной харизмой. Уничтожение монархии снимало сам предмет многовекового спора о преобладании светской или духовной власти. Основной мотив революционности духовенства заключался даже не в стремлении добиться "освобождения" церкви от государственного "порабощения", а в первую очередь – в желании одолеть царскую власть как "харизматического" соперника и утвердить собственную монополию на ведение и трансляцию воли Божией» [Бабкин, 2007, с. 33].

Позиция приходского, военного и морского духовенства при свержении монархии

Позиция приходского духовенства православной церкви сводилась к признанию народовластия как новой формы государственного правления. В столице революции Петрограде духовенство одним из первых встало на сторону Временного правительства. 4–8 марта 1917 г. петроградское духовенство выпустило обращение: "В эти великие дни желанного и выстраданного народом политического обновления всем гражданам Российского государства следует объединиться с новым правительством, избранным Государственной Думой, и всеми силами и средствами ему содействовать" [Российское... 2006, с. 255]. Во второй столице – Москве 4 марта 1917 г. на Красной площади был отслужен благодарственный молебен о победе революции, о "даровании свободы" [Бабкин, 2003, с. 67].

Весной и летом 1917 г. проходили епархиальные и викариатские, городские и уездные съезды духовенства и мирян, благочиннические собрания духовенства, духовных консисторий и духовных учебных заведений. 7 марта 1917 г. духовенство Киевской епархии телеграфировало обер-прокурору Синода В. Львову: "...молитвенные благопожелания комитету Государственной Думы и Временному Правительству, даровавшим свободу дорогой родине, несущей с собой победу над внешним врагом и освобождение церкви..." 10 марта 1917 г. духовенство Царицына телеграфировало председателю Государственной Думы Родзянко: "Сердечно радуемся освобождению государства Российского от гнетущего тяжкого рабства, веками губившего силы народа. На многие лета вам, смелые и честные борцы за давно желанную свободу". 14 апреля 1917 г. Саратовский епархиальный съезд духовенства и мирян телеграфировал председателю Временного правительства Г. Львову: "...восторженно встретил зарю новой христианской жизни Русской церкви и Родины, и приветствует Временное Правительство, шлет ему свои пожелания полнейшего успеха..." [Российское... 2006, с. 263, 295, 266]. 26 апреля 1917 г. в телеграмме на имя Родзянко от чрезвычайного съезда духовенства и мирян Донской епархии говорилось: "...полное доверие Вам как избраннику народа, православному сыну Церкви Христовой, и принося свою глубокую благодарность за Ваше деятельное участие в раскрепощении церкви от уз царизма..." [Бабкин, 2006, с. 38].

Таким образом, на съездах российского духовенства не было принято каких-либо "контрреволюционных" постановлений, позиция приходского духовенства находилась в русле поддержки позиции Синода. "Хотя в стране и раздавались отдельные голоса духовенства с призывами вернуться к старому порядку, но они заглушались всеобщей

радостью по поводу свержения монархии" [Бабкин, 2003, с. 66]. На мой взгляд, предпосылка такой позиции – прежде всего низкий социальный статус и престиж приходского духовенства в царской России. При перемене власти для священников открывались возможности *кардинального повышения общественного статуса*. Стремление, двигавшее Синодом и подавляющим числом архиереев, решить вопрос о приоритете "священства" над "царством" непосредственно связано с той же проблемой статуса священников.

Военное и морское духовенство, казавшееся незыблемым оплотом монархии, заняло такую же радикальную позицию, свидетельствовавшую об антимонархических настроениях. Генерал Епанчин следующим образом характеризует дореволюционное положение военного духовенства: "Военное духовенство также было обставлено не совсем удовлетворительно. В пехотных и конных полках было по одному священнику, были свои полковые церкви, но в артиллерийских бригадах не было ни своих священников, ни своих церквей; в городах артиллерийские бригады были приписаны к приходской церкви, а в тех местах стоянок, где вблизи не было церкви, духовные потребности исполнялись приезжавшими на время священниками... наше духовенство получало недостаточное общее и богословское образование; так было и с военным духовенством, а в материальном отношении оно было обставлено скудно. Особой тесной связи с офицерами и солдатами военные священники не имели, и большей частью их работа ограничивалась совершением богослужения, треб и духовными беседами с солдатами... Нужно, однако, сказать, что духовные беседы – это могучее средство нравственного воздействия – не всегда достигали своей цели, главным образом вследствие недостаточного образования батюшек" [Епанчин, 1996, с. 362–363].

Поэтому не случайно 8 марта 1917 г. в телеграмме духовенства Черноморского флота и гарнизона Севастополя на имя Родзянко содержались поздравления "с завершением великого государственного переворота". 26 апреля 1917 г. в резолюции Чрезвычайного съезда духовенства и мирян Донской епархии постановлялось "выразить свою полную удовлетворенность падением старого режима, тормозившего проявление и развитие лучших стремлений человеческого духа к всеобщей свободе, равенству и братству, и свою полную уверенность, что возврата к старому строю не будет, как строю гибельному для веры, церкви и государства, и что только обновленный строй государственной жизни может дать благо и счастье гражданам единой, неделимой России". Съезд представителей военного духовенства Юго-Западного фронта в телеграмме от 5–7 мая 1917 г. на имя председателя Временного правительства Г. Львова "...признает Временное правительство единственным правомочным органом верховной власти, и потому всякое посягательство и давление на эту власть считает контрреволюционным выступлением, которому военное духовенство будет противиться всей силой своего пастырского авторитета". Всероссийский съезд военного и морского духовенства в 1917 г. так определил свое отношение к падению монархии: "Съезд... постановил единодушно приветствовать совершившийся государственный переворот как исторический момент исключительной важности, открывший перед русским народом светлые перспективы обновленной политической и церковной общественной жизни, построенных на евангельских началах свободы, любви, равенства и братства" [Бабкин, 2006, с. 38–41].

Именно военному священнику Елашценцеву принадлежала идея, высказанная в апреле 1917 г. на заседании съезда Западного фронта и позаимствованная впоследствии В. Лениным: отнять у православной церкви драгоценности и использовать их "для укрепления свободы и завершения войны". Собрание встретило этот призыв овациями и постановило напечатать текст выступления и разослать его духовенству [Колоницкий, 2006].

Таким образом, православная церковь в лице Святейшего правительствующего синода, епископата, приходского, военного и морского духовенства признала свержение монархии "избавлением от гнета" для народа и церкви и выразила безусловную поддержку Временному правительству. "Революция явила всему миру портретную галерею революционеров, обличенных высоким саном пастырей и архипастырей Церкви" [Жевахов, 2007, т. 2. с. 278–279].

Такая быстрая переориентация, на мой взгляд, не содействовала повышению престижа церкви у населения, которое привыкло слышать с церковных амвонов только о Богоданности царской власти, о царе – помазаннике Божием. Как пример негативно-го воздействия такой резкой смены курса на население можно привести письмо студента Томского университета И. Зимина к архиепископу Никону от 15 марта 1917 г.: "...меня волнует вопрос, каким образом духовенство всей России, так сильно отстаивавшее самодержавие, теперь же признает Временное правительство и поминает его в своих молитвах. Как объяснить такую перемену во взгляде на образ правления? Сегодня духовенство молится за императора Николая, завтра за новое правительство и т.д. Что за зависимость церковных взглядов от власти?" [Российское... 2006, с. 383]. Примером мгновенной переориентации мог служить и правящий Томский архиерей – член IV Государственной Думы Анатолий. 11 марта 1917 г. он благословлял знамена монархического "Союза русского народа", 14 марта объявлял о смене власти "как свершившейся воли Божией", призывая паству к послушанию Временному правительству, а 16 и 18 апреля лично участвовал в революционных праздниках, включая торжества по случаю социалистического Первомая [Бабкин, 2005, с. 118].

Однако поддержка духовенством Временного правительства не усилила его влияния на население. Очевидно, что в дореволюционной России существовала так и не реализованная потребность в реформировании православной церкви. И произошел исторический парадокс: функцией религиозного реформаторства в России оказались наделены большевики как представители идеологического течения, "которое хотя на поверхности и исповедует заведомый атеизм, но в способе своей организации, а главное, в характере своего воздействия на массовое сознание производит в высшей степени религиозный эффект" [Жукоцкий, 2004, с. 97]. Подобная эволюция религиозного сознания тесно связана с особенностями массовой русской культуры. Н. Бердяев, осмысливая ход российской истории, писал, что "тоталитарность, требование целостной веры как основы царства, соответствует глубоким религиозно-социальным инстинктам народа. Советское коммунистическое царство имеет большое сходство по своей духовной конструкции с Московским православным царством... Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа" [Бердяев, 1990, с. 117, 93].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Л.А.* Секулярное и религиозное в преобразованиях Петра I // *Общественные науки и современность*. 2006. № 4.
- Андреева Л.А.* Феномен религиозного индифферентизма в Российской империи // *Общественные науки и современность*. 2008. № 4.
- Бабкин М.* Иерархи Русской православной церкви и свержение монархии в России // *Отечественная история*. 2005. № 3.
- Бабкин М.А.* "Мы военные священники, всем сердцем приветствуем обновление Родины нашей на началах политической, гражданской и религиозной свободы" // *Военно-исторический журнал*. 2006. № 2.
- Бабкин М.* Приходское духовенство Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 г. // *Вопросы истории*. 2003. № 6.
- Бабкин М.* "Священство" против "царства"? // *Родина*. 2007. № 3.
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

- Булгаков С.Н.* Апокалиптика и социализм. В 2 т. Т. 2. М., 1993.
- Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. В 2 т. Т. 2. Деяние 2. М.–Пг., 1917–1918.
- Гиппиус З.Н.* Живые лица. Стихи, дневники. В 2 кн. Кн. 1. Тбилиси, 1991.
- Деникин А.И.* Очерки русской смуты. В 3 т. Т. 1. М., 1991.
- Егоров В.К.* Многоликая Россия: XX век. М., 1998.
- Емелях Л.И.* Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1972.
- Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996.
- Жевахов Н.Д.* Воспоминания. В 2 т. СПб., 2007.
- Жукоцкий В.Д.* Русская реформация XX века: логика исторической трансформации атеистического протестантизма большевиков // Общественные науки и современность. 2004. № 3.
- Колоницкий Б.* “Русская идея” и идеология Февральской революции // Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies. Fall 2006. № 18 (www.utoronto.ca/tsq/18/kolonitsky18.shtml).
- Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А.* Григорий Распутин: тайный и явный. СПб., 2003.
- Митрополит Евлогий.* Путь моей жизни. Париж, 1947.
- Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991.
- Переписка Николая и Александры Романовых. В 5 т. Т. 3. М.–Пг., 1923.
- Распутина М.* Распутин. Почему? Воспоминания дочери. М., 2000.
- Российское духовенство и свержение монархии в 1917 г. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви). М., 2006.
- Трубецкой Е.* Народно-русская революция // Речь. 1917. 4 марта.

© Л. Андреева, 2009